

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

Философское измерение

ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА.
ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА В ПОСТРОЕНИИ
НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Исследования процессов глобализации и сопутствующих им (во многом вызванных ими же) социокультурных явлений – как способствующих их безграничному распространению, так и крайне реакционных, исключающих их географическое и даже фрагментарное проявление – продолжают оставаться одними из наиболее актуальных во всем мире.

Одной из приоритетных эта тема является и для нашего журнала, в особенности в связи с усилением мирового системного кризиса. Вопрос о противоречивой связи глобализации с различными формами проявления современного национализма, увеличивающееся многообразие которых растет пугающе быстрыми темпами, остается одним из самых сложных. Как и прежде, основной вектор глобализации характерен распространением евро-атлантической модели развития и глобализация (в форме вестернизации) продолжает оставаться ведущей тенденцией эволюции современного человечества. Вместе с тем, мы наблюдаем, что, невзирая на угрозы национальной идентичности, *именно национальные государства в мире глобальной экономики сохраняют за собой функции социокультурных стабилизаторов.*

Совершенно очевидно, что современные глобальные процессы сами, в основном, и стимулируют появление и распространение экономического, политического и культурного этнонационализма, в совокупности препятствующих осуществлению современной неоллиберальной версии глобализации ровно в той степени, в которой экономическая, политическая и культурная глобализация ставит под вопрос национальную идентичность. С. Хантингтон конста-

тирует, что «кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер»¹.

Надо признать, что ни экономической, ни финансовой, ни политической, ни межнациональной стабильности современная глобализация не принесла. Общей тенденцией наблюдается децентрализация и фрагментаризация как в сфере экономики, так и в сфере культуры вообще.

До сих пор рынок функционировал в рамках однородного экономического и правового пространства, создававшегося государством. Это пространство, вследствие однородности, одновременно было и пространством формирования самой нации – национальным пространством. Определенные культурные и исторические традиции обеспечивали соответствующие формы функционирования рынка в этом пространстве. Поэтому вырвавшийся на наднациональный простор глобальный рынок заведомо был обречен на конфликтную форму функционирования – адекватно степени всеобщей однородности, а правильнее будет сказать – социокультурной неоднородности. В итоге обострялась коллизия между экономикой как способом существования и национальностью как формой бытия сообществ, результатом которой оказывалось усиление националистических настроений, соразмерно тем диспропорциям, которыми сопровождалось развитие мирового рынка.

А между тем, механизмы регулирования глобального рынка не сложились, более того, в условиях господства неолиберальной парадигмы их принципиально не хотят разрабатывать.

В результате рынок, ранее имевший возможности выравнивания социальной среды, усугублял дифференциацию, которая в свою очередь накладывалась на существующую этнополитическую картину мира, вызывая представления об ущемленности одних и привилегированности других. *То есть национализм стимулировался, и в условиях современной глобализации продолжает стимулироваться самим принципом и механизмами функционирования глобальной экономики. Он становится естественной реакцией на углубленные неравномерности общемирового развития.*

Например, по мнению Л. Зидентопа, лозунг реставрации «государства всеобщего благосостояния» лишь стимулирует национализм и подрывает демократические ценности².

Очевидно, уже сегодня мировая экономика нуждается в срочном лечении – в существенной степени гуманитаризации и гуманизации.

Человечество, видимо, в целом должно вступить в принципиально новое состояние экономики, формы которого станут в существенной степени иными, не имеющими прецедентов ранее. Экономика будущего в меньшей степени будет зависеть отныне от известных экономической науке и практике законов и в несоизмеримо в большей степени находиться в зависимости от состояния межнациональных процессов и социокультурных конфликтов, разворачивающихся на планете.

В отличие от предшествующей, для современной стадии глобализации, в особенности, характерны экспонентально растущая интеграция глобальной торговли, инвестиций и финансовых потоков, усиление регулирующей деятельности международных структур (НАТО, МВФ, ВТО и др.), невиданное ранее по «проникающей способности» действие информационно-коммуникационных средств.

Существенные отличия настоящей стадии глобализации состоят в принципиально новой технологической основе, обеспечивающей действительно всемирный характер современной экономики и капитала, изменении структуры и сущности современного капитала – за последние тридцать лет темпы роста трансграничных финансовых потоков существенно превышают темпы роста международной торговли, тем более, производства.

Принципиально ситуация преобразилась в связи с изменением международной финансовой системы, характеризующейся отказом от Бреттон-Вудской системы как преимущественно организованной системы финансового контроля эпохи «золотого стандарта», его заменой долларovým стандартом и переходе к системе плавающих валютных курсов. Благодаря чему произошло повышение значимости США в мировой экономике, не связанное и даже имеющее обратную связь с благополучием самой американской экономики и состоянием внешнеторгового дефицита США.

В этом обстоятельстве во многом и заключается та принципиальная проблема, на которую никто не обращает

внимания даже в условиях надвинувшегося мирового кризиса, когда она обнаружила себя во всей полноте.

Что же принципиального произошло?

Мы далеки от желания анализировать сложившееся состояние мировой экономики и мировой финансовой системы в соответствии с логикой и законами экономической науки. Уверены – это ошибочный путь. Тем более, что современное состояние экономики уже во многом не определяется известными до сих пор законами и системой координат, которые применимы при анализе реальной экономики. Ибо по мере расширения объема деривативов и, соответственно, отхода на второй план реального сектора экономики ирреальный сектор стал преобладающим, а со временем – определяющим. И в целом, вся сфера экономики стала переходить в мир виртуальной реальности, где условные рейтинги, имиджи и прочие квалификационные оценки, характеризующие состояние устойчивости и успешности банков, корпораций, фондов, финансовых компаний – по сути всех участников рынка, определялись многочисленными аудиторскими, консалтинговыми, страховыми, риэлторскими, маркет-мейкерскими и подобными компаниями, статус которых в свою очередь определялся с такой же условностью и, следовательно, пребывающими в таком же виртуальном мире. И так – массово!

Между тем, такое современное *мифотворчество по созданию параллельного мира* – абсолютно ирреального – если и имело отношение к истинному состоянию экономики, то, во многом, с точностью до наоборот.

Именно такой круговорот условностей, состоящий из финансовых «пирамид», парада «имиджей» и ложных ценностей, в совокупности и вывел экономику в состояние ирреальности, которое и должно было рано или поздно сокрушиться.

Яркой иллюстрацией сказанному может послужить история с фирмой Бернарда Лоренса Мэдоффа, которая почти 50 лет представлялась едва ли не эталоном благополучия и устойчивости. Но это, как оказалось – лишь в том, ирреальном мире. А в реальном мире – «пирамида», правда, возможно, самая большая, с задолженностью примерно 50 млрд. долларов!

Говоря проще – кризис был предопределен с первых же шагов виртуализации экономики, а катализатором послу-

жили во многом искусственно нагнетаемые процессы глобализации.

Глобальное и национальное. Pro et contra

Сторонники неолиберальной модели развития П. Дракер, К. Омаэ, Дж. Сорос, Р. Райх и другие, прежде всего, выступают против сохранения суверенитета национального государства в его нынешнем виде и намечают для государств перспективу стать местными органами власти глобальной системы. П. Дракер, например, считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. По его мнению, национальное государство — это отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального, в котором формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе³.

По мнению Дж. Сороса, доктрина суверенитета препятствует созданию эффективного международного механизма, способного не допускать падения уровня жизни и загрязнения окружающей среды. При этом Сорос совершенно произвольно изымает суверенитет из набора основных принципов классического либерализма, что явно противоречит историческим фактам⁴. Высказывания Сороса относительно того, что можно свободно взламывать национально-государственный суверенитет, исходя из тех или иных глобализационных соображений, получили в литературе название «доктрина Сороса».

Солидаризуясь с ней, К. Омаэ прямо прокламирует «конец национального государства» и называет приверженность ему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями»⁵. По его мнению, нужно ослаблять национальные государства, поскольку они мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен стать суверенитет потребителя. Государства мешают транснациональным корпорациям (ТНК) удовлетворять потребителей, у которых сформирована глобальная система предпочтений. Омаэ считает необходимым разрушение архаических национальных чувств, куль-

турной идентичности, языка, традиций, т.е. социокультурных уз, которые мешают «подсесть» на потребление все новых и новых товаров, производимых ТНК, а государство, с его поддержкой национальной культуры как раз является гарантом поддержания национальной культурной среды. Как известно, важнейшей частью продукции ТНК, продвигаемой по всему миру, являются информационные технологии. В этом смысле совершенно не случайно то, что компьютерные игры целенаправленно формируют привычку к пребыванию в фантастической реальности, в которой все возможно и изначально можно задать любые условия этой реальности.

Омаэ приветствует подобную виртуализацию сознания и то, что она приводит к выключению молодежи из потока социокультурной трансляции национального опыта предыдущих поколений. Однако глобальных потребителей в мире не так много, и в неолиберальных построениях Омаэ содержится поэтому изрядная доля утопизма. Правда, утопизм сразу исчезает, когда у Омаэ заходит речь о том, что государство «должно». Оно должно создавать удобную инфраструктуру и готовить работников для ТНК, которые, возможно, заинтересуются инвестиционными предложениями. Омаэ, естественно, признает, что средства на это государство должно извлекать из налогов от ТНК. Но, как известно, ТНК сами нацелены именно на уклонение от налогов, особенно в странах с развитым социальным сектором. Неолибералы любят бросать государственной системе обвинения в потворстве социальному иждивенчеству, в то время как для ТНК стремление к иждивенчеству характерно в большей степени.

Г. Киссинджер считает позитивным как то, что глобализация подрывает основы суверенитета национального государства вследствие беспрецедентной ликвидности глобального капитала, так и то, что это не касается главного «проводника» глобализации — Соединенных Штатов. Важнейшим аргументом здесь оказывается то, сформировало ли государство нацию, или является «несостоявшимся» национальным государством. А «несостоявшееся» государство — потенциальный объект «гуманитарной интервенции» для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства. Вместе с тем, Киссинджер осознает противоречие между безудержным

стремлением капитала к прибыли не зависимо от государственных границ и национально-государственной стратификацией политической и экономической реальности. Разделение на национальные сегменты — важнейшая характеристика политической реальности, что в свою очередь предопределяет ответственность правительств перед своим населением за качество жизни. Правительство, идущее на низкое качество жизни населения ради включения в глобальную экономику, не сможет удержаться у власти. Это еще один источник возможной нестабильности государств⁶.

Неолиберал Р. Райх обосновывает тезис об исчезновении в глобальной экономике такой реальности, как «национальное хозяйство», что обесмысливает самостоятельную экономическую политику национального государства. В книге «Труд наций» Райх ярко и аргументировано обосновывает тот факт, что в глобальных производственных системах любой их сегмент не имеет национально-государственной принадлежности и не подконтролен регулирующим усилиям государств, на чьей территории он находится⁷. Однако Райх, пожалуй, преувеличивает роль сетевых структур, услуг, знаний и малых форм в современной экономике, которая продолжает оставаться корпоративной, но, как и прежде, во многом решает свои проблемы через те или иные государственные органы. Другое дело, что в новой экономике корпорациям стало удобнее выводить свои прибыли из-под государственного контроля, декларируя их в любой точке глобального потока, и прежде всего — в оффшорных зонах, так называемых зонах экономического благоприятствования.

В отечественной литературе критическую позицию по отношению к суверенитету национального государства занимают авторы неолиберальной ориентации В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов. Они считают, что принцип национального суверенитета устарел, более того: его краткосрочное либо продолжительное ограничение будет способствовать преодолению экономических кризисов и финансовых катаклизмов⁸. В свою очередь, П.К. Гречко также уверен, что «национальный суверенитет отмирает», поскольку «исчерпал, выработал свой социально-исторический и политико-правовой ресурс»⁹. На мой взгляд, здесь налицо явное стремление вы-

дать желаемое за действительное. Если нужны меры для ограничения суверенитета, значит, он не отмирает, а вполне живуч, как и его субъект — национальное государство.

Поэтому гораздо ближе к истине представители так называемого трансформистского подхода, для которых глобализация является абсолютно новым феноменом. С их точки зрения, она представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Одной из отличительных черт сегодняшнего мира, по их мнению, оказывается адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы. Как пишет Э. Гидденс, вследствие того, что современные государства теснейшим образом связаны с региональными и транснациональными политическими альянсами и экономическими ассоциациями и корпорациями, границы современных государств теряют статус жестких демаркационных линий. Скорее, их можно сравнить с фронтами, отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций¹⁰. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, в том числе и государства¹¹.

Можно даже усилить этот тезис и заявить, что в современных условиях национальные государства не только не утратили свой политический потенциал, но и обрели в условиях современной глобализации новые весьма значимые функции. Более того, можно утверждать, что умаление роли национального государства в работах многих современных теоретиков и политиков неолиберальной ориентации есть ни что иное, как отрицание принципов классического либерализма XIX столетия, программа которого «состояла из трех основных элементов: избирательное право, перераспределение благ и национализм»¹². Либерализм был в свое время важнейшим идеологическим инструментом формирования национальных государств. Классический либерал, как правило, разделял принципы национализма. Современный неолиберализм их категорически отвергает.

Если отвлечься от многочисленных дисциплинарных и авторских вариантов неолиберализма, то ключевыми мо-

ментами этой идеологии являются требование политической демократии и безусловной свободы движения людей, товаров и, прежде всего, финансового капитала. То есть отказ от вмешательства национальных государств во внутреннюю и внешнюю экономическую жизнь и, соответственно, — дерегулирование внутренних и международных рынков для свободного (неуправляемого) перемещения товаров и финансов через национальные границы. По существу это означало отказ от хорошо зарекомендовавшей себя во времена Великой Депрессии неклассической либеральной модели капиталистического развития британского экономиста Джона Мэйнарда Кейнса и Бреттон-Вудской системы фиксированных курсов обмена валют ведущих индустриальных стран. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Национальные экономики: в поисках панацеи

Вспомним, что модель экономического развития Кейнса появилась как ответ на политические итоги Версальского мира и глобальный экономический кризис 1920 — 1930 гг., подорвавший веру в капитализм как либеральную саморегулирующуюся систему производства, перераспределения и потребления. Кейнс предложил универсальный «метод лечения» либерально-капиталистической модели жизни: рекомендовал президенту США Рузвельту, чтобы государство взяло на себя ответственность за обеспечение занятости и способствовало росту производства при помощи регулирования кредита и денежного обращения, а также организации общественных работ за счет бюджетного финансирования¹³.

В своей теории Кейнс отвел государству роль главного финансового инвестора национальных экономик. Из чего следовало, что госбюджет можно использовать как средство интервенции и в период экономических спадов, и в период экономических подъемов. В последнем случае государство должно было бы обеспечивать погашение возникшего в предшествующий период государственного долга за счет увеличения налогов и предотвращения инфляции. Кроме того, правительство могло напрямую поддерживать те отрасли промышленности, которые, согласно ожиданиям, должны были обеспечить быстрый рост и спрос на рабочую силу.

В июле 1944 г. идея государственного вмешательства в валютно-финансовую сферу была артикулирована и принята двумя странами-победительницами: в деревне Бреттон-Вуд в горах Нью-Гэмпшира представители США и Великобритании утвердили новый послевоенный финансовый порядок, получивший название Бреттон-Вудской системы. В соответствии с этим новым финансовым порядком цены валют стран-участниц привязывались к доллару, в то время как эмиссионный банк США со своей стороны гарантировал обмен долларов на золото. В то же время сделки с валютой контролировались официальными органами, так что в большинстве стран требовалось получать разрешения на обмен и перевод крупных сумм. В этой системе виделся ответ на хаотическое развитие событий 1920-х и 1930-х годов, которые привели к бессистемным национальным ответным мерам и, в конечном счете, к мировой войне.

Однако быстро растущие промышленность и коммерческие банки рассматривали такие бюрократические ограничения, как механизмы сдерживания послевоенного роста. В 1970 г. США, ФРГ, Канада и Швейцария отменили контроль за перемещениями капитала. Плотина была прорвана. Спекулянты, оценивающие валюту в соответствии с различными факторами, стали договариваться о курсах обмена между собой, и система фиксированных курсов развалилась.

Это означало, что все остальные страны, сохранившие контроль, попали под давление. Их крупные корпорации стали страдать ввиду прекращения доступа к иностранному капиталу с выгодными процентными ставками. В 1979 г. сняла последние ограничения Великобритания, годом позже – Япония. Об остальных позаботились МВФ и Европейское Сообщество. Направляемые твердой верой в способность не скованной никакими ограничениями экономики повысить благосостояние, правители ЕС начали в 1988 году движение к единому рынку. В ходе этой «величайшей программы дерегулирования в истории экономики» (как назвал ее председатель Еврокомиссии Петер Шмидхубер) Франция и Италия тоже освободили циркуляцию денег и капитала, а Испания и Португалия продержались до 1992 г.

Главной причиной перехода к экономическому и политическому неолиберализму была конкуренция двух мировых

систем: «социализма» и «капитализма». Ответом Запада на вызовы СССР стал новый финансово-экономический порядок, который в условиях послевоенного биполярного мира был поддержан политически в качестве альтернативы «глобальному коммунистическому проекту». Предлагалась неолиберальная «евро-атлантическая модель развития», предполагающая расширение НАТО и развитие международных экономических (ГАТТ, ВТО, МВФ, Всемирного банка и др.) организаций при доминирующей роли США. Не случайно нынешнюю, евро-атлантическую форму глобализации справедливо называют «американизацией». После 1968 г. мировая (евро-атлантическая) система капитализма эволюционировала от неклассических либеральных принципов организации социально-экономической жизни стран-участниц (принципа «государство всеобщего благосостояния» и принципа «национализма») к неолиберальной идеологии развития – свободе перемещения товаров и капитала сначала в пределах евро-атлантического альянса, а затем и за его пределами, отказу от вмешательства государства в национальные экономики и сокращению объема государственных социальных гарантий. Что, по мнению многих, давало Западу, во-первых, конкурентные преимущества перед странами Варшавского договора и всем социалистическим лагерем, а во-вторых, позволяло более гибко осуществлять политику неокOLONиализма в отношении стран третьего мира, проводниками которой, помимо глобальных финансовых институтов (МВФ и ВФ), были и остаются имеющие «национальную прописку» крупнейшие ТНК.

Как ни странно, авторами и акторами неолиберальной идеологии в сферах внутренней и внешней политики выступили консерваторы. После побед консерваторов на выборах в Великобритании и США в 1979 и 1980 гг. соответственно правительства этих стран стали проводить откровенно монетаристский курс, наиболее последовательными адептами и проводниками которого стали советник президента Рейгана Милтон Фридман и наставник Маргарет Тэтчер Фридрих Август фон Хайек. Поэтому эволюцию либерализма в XX столетии кратко характеризуют как «путь от Кейнса к Хайеку».

Согласно этим теоретикам, стратегическим инструментом экономической политики должны были, как уже отме-

чалось, стать «дерегулирование», «либерализация» и «приватизация». По их мнению, государство должно было обеспечивать принцип: чем больше у частного бизнеса свободы, тем выше темпы роста и всеобщее благосостояние. Отталкиваясь от этих принципов, преимущественно «неолиберальные» (хотя и именовавшие себя «консерваторами») правительства Запада в 1980-е гг. начали своего рода борьбу «за дело капитала». Они устранили механизмы контроля во многих областях и резко снизили возможность государственного вмешательства, прибегнув к торговым санкциям и иным средствам давления, чтобы заставить несговорчивые страны следовать тем же курсом.

Распад СССР и «мировой системы социализма» упрочил представление о правильности неолиберального курса на глобальную экономическую интеграцию (осуществленную, прежде всего, за счет «нового мирового финансового порядка»), породил представление о «конце истории» (Ф. Фукуяма) и дал старт так называемому Вашингтонскому консенсусу.

Сформированная к середине 1990-х гг. международная финансовая система поражала размерами и мобильностью глобального, прежде всего, финансового капитала. Согласно данным Банка международных расчетов, уже в начале XXI века ежедневный объем валютных сделок превышал 1,5 триллиона долларов. Сделки с акциями, корпоративными займами, казначейскими облигациями и специальными контрактами (так называемыми деривативами) осуществлялись примерно в тех же объемах. Уже в конце 1990-х гг. ценовой объем выпущенных деривативов (всех этих «свопов», «фьючерсов» и «опционов») составил примерно 480 триллионов долларов. И это создавало иллюзию почти безбрежного инвестирования и следующего за ним роста также и реального сектора экономики. Но последовавшая череда финансовых кризисов в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и России поставила под сомнение эффективность неолиберальных рецептов.

Попытки выправить ситуацию за счет сокращения государственных расходов и девальвации национальной валюты вызвали падение уровня жизни и социальное недовольство, закончившееся, например, в Индонезии сверже-

нием существовавшего режима. Новым индустриальным странам Юго-Восточной Азии пришлось расплачиваться за излишне поспешную интеграцию в структуры глобальных финансовых рынков. Конечно, кризисы в Юго-Восточной Азии 1997 г. и России 1998 г. — не локальное явление, вызванное просчетами местных правительств, а проявление нестабильности глобальной финансовой системы. Эти кризисы — не нечто из ряда вон выходящее, напротив, они хорошо встраиваются в ряд: 1992 — Европа; 1994 — Мексика; 1999 — Бразилия; 2002 — Аргентина; 2008 — США и Европа.

Эпоха глобализации — глобализация кризиса

Итак, налицо новая форма глобализации — глобализация кризиса. Как с ней бороться? Как показали события всемирного финансово-экономического кризиса 2008 г., единственным эффективным стабилизатором экономического развития, как, собственно говоря, и прежде, остаются национальные государства. Но именно те государства, которые в условиях неолиберальной глобализации не только не утратили своей политической и экономической мощи, но и обрели новые функции. Назовем эти спасительные функции.

Прежде всего, примем во внимание, что, как и по мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков являлось, во многом, не следствием естественной экономической необходимости, а было продиктовано политическими соображениями¹⁴. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Вообще феномен США активно обсуждается в литературе в связи с проблемой будущего национального государства в условиях глобализации. Наиболее распространенным является мнение, что США представляют собой исключение, подтверждающее правило: глобализация в целом ослабляет национальные государства, но одно из них становится ее рычагом. М.Г. Делягин видит причину роста мощи США в избранной ими стратегии выращивания и концентрации на своей территории глобальных ТНК¹⁵. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажировались в США, решаю-

шая часть виртуальной экономики базируется в США¹⁶. Вследствие этого глобализация оказывается способом национального развития. Борьба с США как со страной означает борьбу с находящимися в симбиозе с государственными структурами США транснациональными структурами.

Кроме того, глобализация осуществляется не помимо, а посредством государственных институтов. Государственный аппарат большинства стран активно сотрудничает с транснациональными финансовыми структурами и корпорациями¹⁷. Именно государства гарантируют существование монополий — важнейшего источника накопления капитала. Легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне все равно нет, поскольку именно они только и вносят некоторую упорядоченность в априори довольно хаотическую глобальную экономику. Глобальная экономика, будучи в значительной степени виртуальной, по определению нестабильна. Государства же способны ее стабилизировать в той мере, в какой она связана с производствами, так или иначе находящимися в поле государственного контроля. Р. Кокс вообще называет государства «приводными ремнями» глобального хозяйства¹⁸.

Неолиберальная глобализация разрушает национально-культурное своеобразие и социальную ответственность государства, но поддерживает его репрессивные механизмы. Наиболее отчетливо данную позицию выразил команданте Маркос. С непосредственностью крестьянского вождя он пишет, что «государство оставило при себе лишь последнюю, необходимейшую функцию — функцию подавления. В условиях, когда его материальная база разрушена, суверенитет и независимость аннулированы, а политическое лицо стерто, национальное государство превращается просто в службу безопасности при мегакорпорациях. Вместо того, чтобы направлять государственные средства на социальные нужды, оно тратит их на бесконечное совершенствование своего аппарата подавления, позволяющего ему более эффективно контролировать общество»¹⁹.

Еще одной функцией, сохраняющейся за государством, по мнению И. Валерстайна, является предотвращение возможности стран Периферии вмешиваться в ход миро-хозяй-

ственных трансакций. «Государство все еще остается значимым, прежде всего для предпринимателей», – пишет И. Валлерстайн. Он обращает внимание на то, что лишь государства смогут взять на себя издержки предпринимателей, которые могут возникнуть вследствие долгосрочной тенденции к понижению нормы прибыли²⁰. А антиглобалисты говорят о том, что в ходе глобализации происходит реорганизация государств, в результате которой «целые страны входят на правах отделов в неолиберальное мега-предприятие»²¹.

Для достижения своих целей ТНК нуждаются в содействии политиков и правительств. Именно эти вопросы вызывают необходимость в согласованиях, ради которых проводятся встречи, подобные Давоскому форуму.

Более того, можно говорить о функциях государства, специфических именно для глобализующейся экономики. Прежде всего, это касается технологических и патентных приоритетов. США, например, четко обозначила позицию защиты своих ТНК, отказавшись ратифицировать Конвенцию по биологическому разнообразию в Рио-де-Жанейро и Киотский протокол. Государства сохраняют возможности регулировать пределы колебания обменных курсов валют, продолжают субсидировать НИОКР. Известно, что именно благодаря государственному финансированию был разработан Интернет. Информационные технологии требуют огромных инвестиций, и здесь государственные вложения необходимы. Кроме того, прибыльность частных инвестиций в развитие новых информационных технологий определяется возможностью монополизировать рынок вследствие государственной поддержки.

ТНК развиваются, используя на внешних рынках благоприятные местные ситуации, которые сами же и создают с помощью государств²². Управлять рынками посредством правительств удобнее. Развивающиеся страны не имеют реальных возможностей выбора во взаимоотношениях с ТНК, преимущество последних состоит как раз в наличии этого выбора. Одновременно активность ТНК приводит к укреплению «своих», т.е. ведущих мировых держав²³. Происходит это на основах взаимности. Попытки развивающихся стран в 1970-е гг. разработать в рамках ООН «нормы поведения» для ТНК

провалились из-за противодействия стран Организации экономического сотрудничества и развития.

Эффективными методами помощи корпорациям со стороны ведущих государств являются применение принципов свободы торговли к одним странам и экономической блокады к другим, «гуманитарная помощь», навязывание вестернизированных культурных стандартов, управление миграцией рабочей силы. Важной формой сотрудничества ведущих государств и ТНК является «военное кейнсианство». Дестабилизация обстановки в богатых ресурсами развивающихся странах «требует» военного вмешательства, для осуществления которого необходима поддержка высокотехнологичных производств. Возможность с помощью военной силы «своих» государств контролировать те или иные страны оборачивается для ТНК выгодными контрактами и преференциями. А взаимно, ТНК помогают «родным» государствам в развертывании гегемонии.

Глобальный финансовый рынок вопреки идеологемам неолиберализма не является царством безгосударственной свободы и не работает эффективно без применения ведущими державами военной и прочей силы, обеспечивающей как статус-кво, так и преимущества сильных в конкурентной борьбе.

Есть еще один аспект — не новый, но важный, касающийся компенсации непроизводственных издержек корпораций. Речь может идти о различных издержках — социальных, культурных, экологических. Эта практика ТНК перекладывать свои трудности и проблемы на государство, конкурентов, окружающую природную среду получила название экстернализации²⁴. Возможности экстернализации растут в условиях глобализации по мере расщепления национальных хозяйственных комплексов. Под наибольшим ударом оказывается экологическая обстановка, и практика экстернализации закономерно вызывает появление и обострение глобальных проблем.

Обратим особое внимание на еще одно, очень важное обстоятельство: транснациональные корпорации не хотят тратиться на развитие необходимой даже им самой социальной инфраструктуры. Государство берет эту функцию на себя. Идеологи неолиберализма в своих построениях, естествен-

но, предпочитают игнорировать это обстоятельство. Однако оно носит принципиальный характер. Корпорации чувствуют себя настолько уверенно, что убеждены в своем праве получать все, что государства способны им предоставить. Авторы книги «Многоликая глобализация» приводят высказывание руководителя отдела по связям с общественностью одной из ТНК: «Я думаю, страны начинают осознать, что если они хотят быть участниками глобальной экономики, то они должны создать у себя инфраструктуру и рынки»²⁵. Принимая на себя издержки по созданию и поддержанию инфраструктуры, государство фактически вынуждает всех налогоплательщиков возмещать убытки корпораций. Таким образом, срабатывает современный механизм перераспределения ресурсов в пользу сильных. Нельзя сказать, чтобы его работа способствовала укреплению социальной стабильности. Политика «жесткой экономии» и сокращения бюджетного дефицита не только добывает остатки «государства всеобщего благосостояния», но и способствует замедлению темпов экономического роста и снижению занятости.

И, наконец, государственные органы незаменимы для глобального финансового рынка и ТНК в том, что касается борьбы с инфляцией, снижения издержек производства: социальных гарантий, стоимости рабочей силы, а также повышения ее гибкости и, в меньшей степени, мобильности. Снижение социальных расходов все больше становится для развитых стран формой поддержки своего производителя в конкурентной борьбе с развивающимися странами. Повсеместное продавливание транснациональными финансовыми структурами мер торговой либерализации под флагом борьбы с демпинговыми ценами производителей из развивающихся стран на деле подкреплено мерами «нового протекционизма»²⁶, правда, всего лишь носящего неявный характер. Помощь «своим» компаниям разнообразна и осуществляется через проведение государственной политики в области НИОКР, реализацию программ расширения экспорта и другими способами. Так что и в условиях неолиберальной версии глобализации государство по-прежнему необходимо транснациональным монополиям, поскольку государственные гарантии прав собственности необходимы для поддержания монополизации

рынков, приносящей значительные материальные выгоды за счет экспонентального накопления капитала, поскольку мощное государство может воспрепятствовать более слабому создавать защитные барьеры для ТНК, поскольку государство принимает на себя бремя расходов в случае экономических трудностей ТНК, к примеру, может национализировать убыточное производство, реанимировать за счет национальных средств и реприватизировать по сходной цене.

Таким образом, национальное государство продолжает оставаться важнейшим фактором развития современной глобальной экономики и политики. Но его роль, в зависимости от типа и «качества» государства, принимаемой правительством стратегии развития и социальной политики, может быть разной. Ослабленные государства, по мнению З. Баумана, низводятся до уровня местных полицейских участков глобальной системы. Содержание в этом качестве слабых государств выгоднее, чем создание каких-то глобальных структур с законодательными и исполнительскими полномочиями. Сходные идеи развивают Р. Бербах и У. Робинсон, которые считают определяющей чертой современной глобализации вытеснение национального государства как организационного принципа капитализма и замена его транснациональными институтами²⁷. По их мнению, многие государства ослабли, превратившись лишь в конторы по реструктуризации, не берущие на себя никакой ответственности перед трудящимися и населением в целом.

Действительно, в результате инициированных группой стран G-7 глобализационных процессов с организованным рабочим движением практически перестали считаться. Классическая социал-демократия переживает крах не столь заметный как у коммунистов, но более глубинный и серьезный. Из под нее выбита опора — профсоюзы. Глобальных инвесторов больше не интересует «подкуп» рабочей аристократии у себя дома, как не интересует их в прежней степени реальный сектор производства. Прибыли в значительно больших масштабах могут извлекаться в виртуальном секторе и за счет дешевой рабочей силы стран «третьего мира». Но все это касается поражения проекта «государства всеобщего благосостояния». Само же национальное государство остается. Оно по опреде-

лению есть инструмент выражения существующих в обществе интересов. Поэтому оно может обеспечивать для ТНК перекладывание издержек на плечи трудящихся и высвобождение компаний из кризисов, но, в то же время, может и защищать национального производителя и национальную культуру.

Невзирая на мировой кризис и пользуясь неолиберальными рецептами, многие национальные правительства принимают традиционные меры для обеспечения инвестиционной привлекательности за счет привлечения портфельных инвестиций. Но парадоксальным образом в среднесрочной перспективе эти меры усугубляют существующие экономические трудности внутри этих стран (невозможность создания новых рабочих мест в реальном секторе экономики, снижение покупательной способности населения) и приводят к уходу капитала. Кто будет расплачиваться за неминуемые катастрофические последствия глобальных игр с деривативами? В любом случае — правительства и налогоплательщики, гражданское общество. И никак иначе. А влиять на процессы они не могут. Неолиберальная идеология запрещает это.

Очевидный выход — отказ от неолиберализма как глобальной идеологии и создание нового финансово-экономического миропорядка, порядка с новыми макрорегиональными валютными центрами и центрами властных полномочий, деятельность которых будет основана на безусловном учете действительно национальных, истинно народных интересов всех входящих в них государств.

Примечания

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004. — С. 36.

² Зидентон Л. Демократия в Европе. — М., 2001. — С. 56, 57.

³ См.: Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999. — С. 67 — 101. В отечественной литературе аналогичного мнения придерживается П.Г. Щедровицкий. Он убежден, что «национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества», которое будет формироваться на основе некоего «постнационального государства», и которое автор считает оптимальным и для России (см.: Щедровицкий П.Г. Бунт капиталов // Эксперт. 2000. № 23. — С. 47).

⁴ См.: Джордж Сорос о глобализации. — М., 2005.

⁵ Первая глава его книги так и называется «Картографические иллюзии» (см.: Омаэ К. Конец национального государства: становление

- региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. – М., 2004. – Ч. I. – С. 211 – 220).
- ⁶ См.: *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? – М., 2002. – С. 6, 235, 242.
- ⁷ См.: *Райх Р.* Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. – С. 506 – 527.
- ⁸ См.: *Иноземцев В.Л., Караганов С.А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 9, 15.
- ⁹ *Гречко П.К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. – М., 2005 – С. 41.
- ¹⁰ См.: *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. № 6. – С. 436.
- ¹¹ Другие сторонники данного подхода считают, что на современном этапе власть следует понимать «только как отношения сотрудничества между правительством государства и властью международных организаций» (*Лакашук И.И.* Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4. – С. 66).
- ¹² *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. – М., 2003. – С. 147.
- ¹³ Правда, достоверно не известно, в какой мере осознанно президент Рузвельт использовал работы Кейнса: «Экономические последствия Версальского договора» (1922) и, тем более, – «Общую теорию занятости, процента и денег», опубликованную в 1936 г.
- ¹⁴ См.: *Navarro V.* Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. j. of health services. Vol. 28. 1998. №. 4. – P. 671.
- ¹⁵ См.: Практика глобализации. М., 2000. – С. 138.
- ¹⁶ См.: Многоликая глобализация. М., 2004. – С. 370.
- ¹⁷ См.: *McMichael Ph.* Globalization: Myths and realities // Rural sociology. – N.Y., 1996. – Vol. 2, № 1.
- ¹⁸ См.: *Cox R.W.* Global «perestroika» // Approaches to word order / Ed. by Cox R.E. with Sinclair T. J. – Cambridge, 1996.
- ¹⁹ *Маркос.* Четвертая мировая война началась // Альтернативы. 1998. № 4. – С. 11.
- ²⁰ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. – С. 88, 89, 91, 103, 104.
- ²¹ *Бенсаид Д.* Разбитое зеркало неолиберализма // Альтернативы. 1998. № 4. – С. 20.
- ²² См.: *Perrot E.* Penser la mondialisation // Recherches de science religieuse. – P., 1998. – Vol. 86. №. 1. – P. 23.
- ²³ См.: *Rugman A.* The End of Globalization. – L., 2000. – P. 219.
- ²⁴ См.: *Коллонтай В.* Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. – С. 35.
- ²⁵ Многоликая глобализация. – С. 368.
- ²⁶ *Marshall D.* Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. – L., 1996. – Vol. 31. № 2. – P. 203.
- ²⁷ *Burbach R., Robinson W.I.* The fin de siecle debate: globalization as epochal shift // Science & society. – N.Y., 1999. – Vol. 63. №. 1. – P. 31.

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. Мариносян*